

Когда-то в городе Горьком

рассказ

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

1

Поезд был проходящий, стоял всего десять минут. Сошли на перрон самой дальней и почти не освещенной платформы, кроме проводников в стоячих синих шинелях, сам Юрий Александрович да ещё одна дама в лёгкой соболиной накидке, легкомысленных туфельках на шпильках, с длинными платиновыми волосами — такую не отметить невозможно было даже в четыре ночи. Её тут же подхватили под ручки два галантных молодых человека, выросших прямо из-под земли и чем-то карикатурно напоминающих ночных птиц, а заспанный носильщик, так же возникший прямо из воздуха, загремел за ними нагруженной баулами и чемоданами тележкой.

Поезд был литерный, состоял всего из пяти вагонов и шёл непонятно откуда и неизвестно куда.

Накануне, в конце дня, Юрий Александрович Рыжов пришёл на вокзал в Ярославле к начальнику линейного отдела с рекомендацией от своих солидных и уважаемых друзей, которые тому уже позвонили. Ничего объяснять не пришлось: он просто представился Юрием и уничижительным, просительным тоном, которому надо ещё научиться, доложил, что ему срочно необходимо попасть в город Горький, который теперь уже Нижний Новгород.

Полковник как-то подозрительно-безразлично посмотрел на него и сказал:

— Идите в ресторан, вас там обслужат, а в двадцать один ноль-ноль посадят в вагон. В четыре вы будете дома.

В ресторане оказалось очень мило и уютно — совсем не похож он был на привокзальные рестораны. Юрия Александровича посадили за отдельный столик и обслужили непривычно отлично: официант в накрахмаленной рубашке с белой бабочкой почти

незаметен, сэврюга с хреном замечательна, мя-со по-аргентински было приготовлено из насто-ящей говядины, боржоми основательно пу-зырился, а водка — холодная и сладкая. Юрий Александрович позволил себе три рюмки — был серьёзный и основательный повод, и зарок не пить теперь не в счёт. Счёт за обед был весьма демократичен, но не настолько, чтобы вызы-вать сомнения. Юрию Александровичу не хоте-лось бы этого холуйского мелкого угодничества в виде бесплатного обеда или тому подобного, за которое непонятно с кого потом спрашивать.

Ровно в двадцать один ноль-ноль молодой че-ловек в форме сотрудника вокзала не просто проводил Юрия Александровича к вагону, а ус-лужливо усадил в отдельное купе, пожелал счастливого пути и как бы ненароком, выходя из купе, обронил:

— Просьба — не выходите из купе никуда вооб-ще. За полчаса до прибытия в Нижний Новго-род вас разбудят.

Засыпая, Рыжов отметил, что раньше поездка в поезде сопровождалась перестуком колес о сты-ки рельсов, а теперь это как полёт, и сопровожда-ется он ночным таинственным шуршанием. И ещё — с того момента, как Юрию Александрови-чу втемяшилось в голову поехать навестить свой родной город, в котором он не был почти пят-надцать лет, все персонажи, встречаемые им по ходу дела, почему-то казались ему ненастоящи-ми, какими-то игрушечными или сказочными: и полковник этот, начальник линейный, и офици-ант в ресторане, и мальчик, который проводил его до купе, да и остальные, если вдуматься. На том Юрий Александрович и заснул.

На вокзальной площади ленивое рекламное сияние совсем не разгоняло мартовскую ноч-ную мглу; несмотря на только что выпавший снег, было грязно, сыро и холодно. Несколько таксистов, нахохлившись, кучковались возле одной из машин, как-то по-шпански притоп-тывая, покуривая в кулаки и исподлобья по-глядывая на пустое отсутствие прибывших пас-сажиров. Рыжов сразу направился к ним. В своём добротном демисезонном шинельного покроя пальто почти в пол и в невероятного фасона кожаной кепочке-бейсболке с опу-щенными ушами он выглядел очень импозан-тно и заставлял обращать на себя внимание.

— Ну что, народ, работать будем сегодня?

— А в чём проблема? — откликнулся один, самый нахохлившийся и, видимо, самый замёрзший.

— На Откос отвезёшь?

— Пятьсот рублей.

— Ты — такси или нет?

— Такси.

— Ну так вези, а потом, если меня всё устроит, будем о деньгах говорить.

— Не-ет, давай о деньгах сразу договоримся.

— Ну, давай договоримся! А потом я тебе ниче-го не заплачу.

— Как?

— А так — нос на сторону сверну, и всё.

Тут ночной пассажир махнул рукой, обошёл машину, закинул свой небольшой чемоданчик на заднее сиденье и по-хозяйски уселся на переднее:

— Поехали.

— На Откос?

— На Откос. А скажи, где у вас тут есть при-личная гостиница? На Откосе есть?

— Есть и на Откосе, «Октябрьская».

— Да-да, мне туда и надо. Помню такую, да-вай туда.

Таксист попался настоящий — из тех, что по-болтать любят:

— Ну вот, снова потекло, — пробубнил он вроде как под нос.

— Где потекло? — спросил Юрий Александрович.

— Третий день уже — ночью снежок выпадет, всё вычистит вроде, а под утро туман и дождик вот такой противный моросит, и снова грязи-ща, и слякоть, и жить не хочется.

— А чего же хочется?

— А взять бутылку, напороться и лежать на диване, телевизор смотреть.

Ночной город был мрачным, неприветливым, даже молчаливым и злым: половина световых реклам уже отключилась, окна почти все в жи-лых домах не горели. Юрий Александрович ни-чего не узнавал, даже мост через Оку и централь-ную городскую площадь, которые они на маши-не незаметно и быстро проскочили в тумане.

— Тебя как зовут-то? — спросил он у водителя, ещё не вылезая из машины, но уже подъехав к гостинице.

— Иван.

— Послушай, Иван, я пассажир необычный — приехал я в ваш город на несколько дней. Я не знаю на сколько! Но мне потребуется машина с водителем, может, на три дня, может, на неделю. Я готов платить тебе по сто долларов в день, а ты должен быть на телефоне и днём и ночью. Ездить придется только по городу, да и то, думаю, немного. Ты в машине должен стоять около гостиницы. Если согласен — говори.

— Так а чего не поработать? Давай поработаем.

— Тогда вот тебе сотка за сегодняшний день, и говори мне твой номер мобильного. Я наберу, а у тебя мой номер высветится.

— А зовут-то вас как?

— Юрка.

— Как — Юрка?

— Так — Юркой и зовут.

— Не-ет, так неудобно! Скажи, как по ба-тюшке?

— Юрием Александровичем меня можно звать! А можно и Юркой.

— Юрий Александрович, а сегодня-то я буду вам нужен?

— Конечно. Только вот как договоримся: я сейчас заселюсь и отзвонюсь тебе: скажу, когда подъезжать. Договорились?

— Хорошо, — ответил водитель.

— Да, и вот ещё что: пока я оформляюсь, сгоняй в какой-нибудь хороший магазин ночной и купи мне там две бутылки армянского коньяку, две бутылки хорошего шампанского, коробку конфет, килограмм мандаринов и кило винограда. Понял? — он протянул водителю красненькую пятитысячную купюру.

— Так чего не понять, — ответил Иван, принимая денежку.

— Тогда гони, а я пока оформлюсь.

Машина ушла, а Юрий Александрович поднялся по ступенькам и зашел в вестибюль гостиницы. Тут царил сонный ночной полумрак. Только столетний швейцар в золотом мундире и яйцеголовый секьюрити лет тридцати сидели за столиком — то ли оба спали, то ли делали вид, что играют в шахматы, которые, расставленные, стояли перед ними. Да ещё внимательная и яркая дама уже в годах возвышалась над столиком бюро регистрации и что-то старательно изучала на мониторе компьютера. Она нехотя привстала, увидев вошедшего ночного гостя.

Юрию Александровичу вновь показалось, что все эти фигуры: и дамочка на перроне, и её молодые люди, похожие на птиц, и все таксисты, и Иван, и три персоны в вестибюле гостиницы, — какие-то неправильные, искусственные, что ли, неживые. Сам-то он, Юрий Александрович, вот он: натуральный, метр восемьдесят, и весу восемьдесят пять килограммов, скоро шестьдесят лет, конечно, немножко седой, но и пошутить может, и об умном поговорить. А эти будто из картонки ножницами вырезаны: ни объёма, ни дефекта какого-нибудь заметного. Показалось ему так.

Он подошёл к столику администратора и, нарочито внимательно изучив бейджик на значительной груди дежурной дамочки, обратился как бы в никуда:

— А позвольте мне узнать у вас, Мариночка, могу ли я у вас в гостинице остановиться на несколько дней?

И мелькнула в этот момент у Рыжова мысль коварная, но правильная, что мест, конечно, нет. Ну откуда в этой гостинице на набережной в пять утра свободные места? Надо было забронировать через друзей из Ярославля, а он не позаботился. Не решился — побоялся пустить кого не надо сразу по следу. А сейчас придётся врать, что приехал по приглашению областной администрации для обсуждения чего-нибудь... Но вот чудо! Потому и кажется ему сегодня всё неправильным и нереальным.

— Да, для вас найдём, — отвечает Мариночка. — Давайте паспорт, я занесу вас в компьютер. Номер 212 на втором этаже — ваш. У вас из багажа только этот чемоданчик? Вам помочь? Наш Сергей Сергеевич может.

— Нет-нет! Я смогу и сам.

Юрий Александрович даже испугался, как быстро и ловко всё у него получилось с гостиницей. А говорили ему всякое, предупреждали!..

Номер был на удивление большим, тёплым и светлым: два торшера, люстра, настольная лампа, настенные бра. Рыжов хотел сразу же плюхнуться спать, но вспомнил про Ивана и позвонил ему, чтобы узнать о результатах поездки. Не успел: Иван уже стучал в дверь номера. У него тоже всё получилось: и коньяк, и шампанское, и мандарины.

— Иван, всё брось на кресло и иди спать. Я

тоже спать! Как проснусь — отзвонюсь. Часа через три или четыре.

Иван вышел.

А новый постоялец гостиницы взял бутылку коньяку, внимательно изучил этикетку, чему-то своему неизвестному ухмыльнувшись, налил в хрустальный тонкий стакан, стоявший на столе, на два пальца и одним глотком выпил. Точнее — попытался выпить: коньяк застрял камнем в гортани и никак не хотел проходить, пришлось делать усилие, по всему телу прокатилась волна озноба, сразу же пробила густая испарина. Пятнадцать лет полной ремиссии — это не шёлковый период, как, в общем-то, и любой зарок. Но уже вчера в ресторане, после трёх рюмок водки, ему подумалось, что возвращение в пьяную жизнь неизбежно.

Потом с очищенным мандарином Юрий Александрович ещё минут двадцать стоял перед окном, не торопясь отколупывая дольки и жуя. За окном всё равно не было ничего интересного — только в столбах фонарного света стояли застывшие струи дождя. Почему-то пришло в голову, что словосочетание «идёт дождь» существует и это понятно: струи — они как ноги. А вот обратного по смыслу выражения «дождь стоит», то есть не идёт, не употребляют, по крайней мере, не устоялось оно так привычно. И ещё любопытно: как переводят таджики или китайцы на свой таджикско-китайский язык термин «дождь идёт»? Он идёт у них струями-ногами по земле или двигается с неба на землю? Надо у профессоров-переводчиков поинтересоваться.

Это был родной город для Юрия Александровича. В башку лезли лёгкие глупости, то есть именно лёгкость и глупость. Но, конечно, завтра, а точнее, сегодня с утра — на кладбище, к маме — двадцать лет не был... Нет, почти пятнадцать. И это не глупость.

2

Проснулся в восемь.

За окном — предрассветные сумерки и хлопьями струится снег.

Восемь часов, фонари не горят, а рассвета не видно.

Включил телевизор, засветилась панель,

прогноз погоды — плюс три-пять и осадки.

Налил сотку коньяку, проглотил как что-то безвкусное, очистил мандарин и сжевал его, стоя перед окном.

Выпил ещё сто грамм, уже сидя в кресле. Накатило знакомое и давно забытое состояние безразличия и безответственности. Позвонил на его ресепшен и с радостью узнал, что буфет на его этаже, работает с восьми часов и кофе там есть, причём очень хороший. Юрий Александрович достал из своего дорогого дорожного чемоданчика, а скорее всё же большого желтой кожи дипломата, бритвенные принадлежности, парфюм и не торопясь привёл себя в порядок.

Перед буфетом выпил ещё сто грамм, мандарином закусывать не стал. Пока шёл до буфета, почувствовал, что захмелел, но это его не взбодрило, а, наоборот, ввергло в мизантропическое состояние: всё показалось ему отвратительным, враждебным, а то, что он планировал сделать, ничтожным. Хотя такие вспышки были ему знакомы, и он очень быстро и легко из этих состояний выходил. Две больших чашки американо — и порядок. Да ещё и буфетчик, молодой парень, совсем мальчишка с залезанными волосиками, услужливо, угадав его тайное желание, неожиданно предложил:

— А вы, если курите, можете здесь сейчас покурить — я разрешаю. Потом проветрю.

— Да, спасибо, конечно, — поблагодарил Юрий Александрович и закурил.

Столько планов у него было на эту поездку, что все их осуществить, наверное, просто не получится. Почему-то не составил список и график — легче было бы распоряжаться временем и приоритеты установились бы сами собой. А так... Хотя понятно, что на кладбище к маме в первую очередь и без «приоритетов». А потом, может, и график надо будет сформировать.

Юрий Александрович нажал несколько кнопок на своём мобильнике:

— Иван, ты где?

— Стою у входа.

— Это хорошо. Я сейчас выхожу, поедем на кладбище, на Бугровское. Придумай, где по пути цветочков купить.

— Придумаем, купим.

— Жди.

Когда Юрий Александрович вышел из вес-

тибюля гостиницы на улицу, снег уже не шёл, а изморось на глазах превращалась в настоящий морозящий холодный осенний дождь. Вот так: март, а дождь — осенний.

Уже знакомая машина, такси «Форд Фокус», стояла на том же месте, что и вчера.

— Иван, а ты так и не съездил домой-то? Не поспал? — спросил Юрий Александрович, садясь рядом с водителем.

— Да что вы, чай для нас, таксистов, спать на водительском месте мягче и уютнее, чем дома в родной постельке рядом с женой. Я ведь двадцать лет уже за баранкой. Так что всё в порядке у меня. А как у вас, Юрий Александрович?

— Тоже хорошо. Так, а ты что — местный, что ли, наш — горьковский?

— Да, канавинский я, с Гордеевки, точнее если.

— Так, а сколько лет тебе? Да поехали, поехали, по пути поболтаем.

— Сорок пять скоро.

— О-о! Мне скоро шестьдесят. Так вот... Хочу я с утра для начала к маме на могилку съездить, на Бугровское кладбище. Где мы цветочки купим?

— Вон на Белинской, там целые ряды их. И по пути.

— Хорошо, давай на Белинской. Тогда давай проедем по Ковалихе, я там жил когда-то.

— Прямо на Ковалихе?

— Нет, езжай, я покажу.

Сколько-то проехали.

— Вот тут налево по Ульяновой... — предупредил Юрий Александрович; чуть погода добавил: — А вот тут стой.

Машина встала. Дождь на какое-то время прекратился, но чувствовалось, что он взял лишь тайм-аут и вот-вот зарядит снова. Изморось с туманом стояли плотно, продолжая разедать уже изрядно прокисшие и скукожившиеся сугробы. Район этот с остатками деревянных домишек и хрущевских пятиэтажек в самом центре города был по непонятным причинам не до конца использован новыми застройщиками, а потому, возможно, летом и выглядел он импозантно и экзотично, но в марте да в дождь даже не хочется его расписывать. Наверное, летом тут и сирень цвела, и палисаднички какие-то были, но сейчас...

— Вот на месте этого бандитского коттеджа

был когда-то мой дом, в котором я родился и вырос. А вот в этом доме, напротив, жил знаменитый корабел-конструктор Ростислав Евгеньевич Алексеев. Знаешь все эти «Ракеты», «Метеоры» на крыльях? Дядей Славой мы его звали.

— Так ему только что поставили памятник в Сормове.

— Это хорошо и правильно — таким людям надо памятники ставить. Для моего батьки он просто Славкой был... Они дружили ещё с довоенных времён, вместе спортом занимались, вместе под парусом ходили. У них тогда до войны на станции «Динамо», на Оке, своя компания была. Яхтсменами они все были. Жили тогда Алексеевы где-то в другом месте, а потом, когда они переехали сюда, мы уже в соседях оказались. Жена его, тётя Марина, добрая была, мы её тут все очень любили. Говорили, что она «из бывших», что ли, была... в общем, из очень богатой семьи. А вот сын у них Женька больной был, говорят, что-то наследственное. Когда я женился в первый раз, Алексеев нам выделил свою персональную «Чайку», и мы на «Чайке» в загс поехали. А сейчас «Чайку»-то на улице и не увидишь. У вас по городу ездят «Чайки»?

— Да ездят... две штуки... На них пацаны какие-то ездят — понтятся по-мальчишески.

— Ну ладно, хрен с ними. Поехали на кладбище. И не забудь: надо цветочки купить. Знаешь, у меня и мама, и папа ушли, когда я уже взрослым был. Так вот к отцу холодно у меня внутри всё как-то — мужик и мужик. А мама... Я два раза женат был и оба раза расставался без сожаления. А вот встретить бы такую, как мама, — я бы в третий раз женился. Что-то тёплое. Нет, неправильно я говорю: не теплом я наполняюсь, а ожиданием тепла и нежности. Понимаешь?

Водитель промолчал. Ехали по Белинской.

— Юрий Александрович, видите, ларьки рядами стоят, это цветы. Идите, а я тут постою, подожду.

Розы были большие, красные, штук двадцать — Юрий Александрович не поспешил.

— Давай, поехали, — скомандовал он и тут же: — Иван, а тебя в детстве родители наказывали? Ну, ремнем пороли, в угол ставили, без обеда оставляли или без гуляния?

— Наказывали — и ремнем пороли, и на улицу не пускали.

- А кто — мама или папа?
- Мамка! Отцу на меня наплевать было.
- А за что?
- Да за всё!

— А меня вот отец порол: всё за школу, за поведение да за двойки. Придёт, откроет дневник, двойку или замечание увидит и говорит: «Ложись!» Я штаны спущу и ложусь на диван, а он ремень из своих брюк вытащит и вытянет несколько раз по заднице, но не больно было. А вот мама меня только два раза порола. Один раз — я ещё маленький был — она мне в подарок на Новый год мяч резиновый купила, а я его в открытую горящую печку и затолкал вместе с сеткой-авоськой. А другой раз — я тоже ещё маленький был — зимой увязался с пацанами, постарше которые были, на трамвае на Канавинский рынок чижей да щеглов продавать и там потерялся. А потом сел на какой-то трамвай, который шёл на Станкозавод, и там тоже потерялся. Стою я, значит, на Станкозаводе и плачу, и, как в сказке, милиционер ко мне подходит. Когда я ему свои приключения за день рассказал, то он даже не поверил — так мне показалось. Он отвёл, точнее, отвёз меня домой сначала на трамвае, потом на автобусе и сдал с рук на руки родителям — адрес-то я знал домашний. А мама сидит за столом вся в слезах, дрожит, рыдает. Батяка этого милиционера благодарил и даже ещё на кухне в карманы насовал ему пирожков, которые бабушка у меня хорошо пекла. А потом батяка вынимает свой ремень и маме даёт, говорит: «Вытяни его несколько раз, чтобы помнил!» А я тем временем стряхиваю мокрый валенок с ноги... Знаешь, так стряхиваю — ногой дёргаю. А валенок с меня так слетел и со всей силы маме в лоб и попал. Ну, тут уж я снова заплакал и — к маме. А она у батяки ремень взяла, два раза меня по спине протянула, легла рядом со мной на диван, обняла и затихла. Так мы с ней в обнимку лежали и плакали.

С тех пор я не люблю Станкозавод. Как-то раз в девушку одну влюбился, а как узнал, что она со Станкозавода, подумал, придётся её туда каждый раз провожать, тут же разлюбил.

А бабушка меня всегда вицами порола: выйдет на крыльцо, выломает из сирени несколько прутьев — от них свист такой по воздуху идёт... Иван, давай-ка притормози у какой-нибудь точ-

ки, мне освежиться надо, а то заболтались мы, даже в горле пересохло.

Хотя маленькое мрачное и пустоватое кафе со стульями, опрокинутыми на столы, было ещё закрыто, Юрий Александрович вошёл внутрь без труда и без спросу, сориентировавшись прямо на дежурно освещённую барную стойку. Бармен проявился тут же из тёмной глубины помещения.

— Мы закрыты! Мы закрыты! Покиньте помещение, — размахивая руками и тряся головой, запричитал этот местный пожилой работник, старательно изображавший из себя бармена.

— Любезнейший, — обратился к нему Юрий Александрович, — я сейчас же уберусь отсюда! Только помоги мне и выручи, земляк, — ты мне нужен. Мне позарез надо сотку проглотить и вон ту плоскую бутылочку армянского — с собой. Это — тебе за понимание, без сдачи.

Рыжов положил на стойку купюру, на которую с осторожностью посмотрел мужчина, изображавший бармена, но, увидев цвет банкноты, быстро среагировал и, как-то моментально затихнув, почти прошептал:

— Хорошо! Только ни-ни!

3

До кладбища добрались быстро, благо оно находилось теперь почти в центре города, а когда-то...

Дождь прекратился или взял небольшой перебивчик, спрятавшись от настойчивого, пронизывающего влажного и холодного ветра.

Монументальная стена и ворота с аркой из красного кирпича придавали старинному кладбищу вид неприступной крепости. Да это, в общем-то, так и было, потому что с некоторых пор чуть ли не законодательно кладбище превратили в городской пантеон и улечься тут на вечные времена законно можно было только с решения властей, но увы... Эту «крепость» регулярно брали штурмом те, у кого были бешеные деньги, и захоронения здесь, пусть и не каждый день, но совершались.

Хотя с некоторых пор кладбище и стали называть старообрядческим или ещё Бугровским, но к этому привела лишь процедура официальной передачи храма, стоящего на его территории, го-

родской старообрядческой общине уже в советское, даже в послевоенное время. А вот старообрядческое кладбище, которое было организовано ещё стараниями купца Бугрова, известного сторонника древлего благочестия, находилось когда-то совсем рядом, но остался от него лишь кусок не до конца выломанной стены.

На самом деле земля под это новое красное кладбище куплена была ещё в девятнадцатом веке на деньги Рукавишниковых, тоже купцов первогильдийных. Только они никакого отношения к старообрядчеству как раз и не имели, а совсем наоборот: один из них в те времена чуть ли не в масонской ложе состоял, но это не точно. Хотя всё это и чепуха, но помнить не вредно и знать, что самые прямые потомки этой фамилии, этой семьи, и в наше время прославили себя замечательными работами. Уже которое поколение скульпторов Рукавишниковых радуется людей: памятник Высоцкому на Ваганьковском — это работа Александра Рукавишникова, а он тоже из этих самых Рукавишниковых. Жизнь становится насыщенной, когда ты ощущаешь и понимаешь связь времен.

Рыжов встал в воротах кладбища, снял свою кожаную кепочку-бейсболку, перекрестил лоб и поклонился — не усердствуя, не юродствуя, не в пол. Был Юрий Александрович человеком не сильно воцерковлённым, плохо верующим, но всё же некоторое время, проведённое в размышлениях о посещении такого трепетно важного учреждения, как кладбище, заставляло его серьёзно и ответственно относиться к любым мелочам, связанным с предпринятым мероприятием. А то потом что-нибудь не так пойдёт — и будет думаться нехорошее.

Дождик прекратился, и в пространстве образовалась необычная тишина, когда Юрий Александрович прошёл на территорию кладбища. Сразу же бросилось в глаза напротив входа новое, только что обустроенное солидное и богатое захоронение

— Петрович, мой любимый губернатор, — пробормотал или, скорее, даже прошептал Рыжов, подойдя к кованой оградке.

И уже совсем про себя подумал: «Вот кому я обязан и своим взлётом, и своим падением, и изгнанием. Борька Немцов что — жулик такой же, как и все мы, кто в то время выполз. Хотя

сейчас они все считают, что свои места заслуженно занимают, в соответствии своим талантам и способностям. Фигушки. Под всеми нами лужи крови подсохшей, только никто из нас не хочет вспоминать про то! А Петрович — он руководитель старой партийной закалки, его интересовал результат, и он знал цену и людям, и работе, которую эти люди делали». «Какого губернатора вы потеряли!» — проговаривал он с сожалением на пьянке, устроенной после своего проигрыша на выборах.

На удивление, дорожки на кладбище были если и не сухими, то, по крайней мере, без снега и грязи, прилично убранные после зимы. Юрий Александрович прекрасно помнил, что ему надо в самый дальний правый квартал. По пути он видел и узнавал знакомые фамилии, но почему-то, не останавливаясь, заторопился — побоялся, что внимание растратит не на то, на что требуется. Сначала — к маме.

Когда в Норвегии, гражданином которой теперь числился официально Юрий Александрович Рыжов, раздался звонок и незнакомый или почти незнакомый голос ему сообщил, что можно вернуться, он насторожился. Да не испугался и не разволновался — эти категории переживаний не для него: перерос. А потом сразу же — второй звонок, и тогда он поверил.

Поверил не тому, что прекращено преследование в связи с истечением срока давности, и даже не тому, что с него снимается судимость в связи с новыми открывшимися обстоятельствами. Поверил потому, что сказано было: «Можно вернуться». Почему-то предложено было встретиться в Ярославле, совсем чужом для всех заинтересованных лиц городе. Можно было в Питере или в Москве, где хотя и с опаской, но всё же Рыжов изредка появлялся с норвежским паспортом, в котором имя его и фамилия были так перековерканы, что и не узнаешь.

Пятнадцать лет назад, когда арбитражный суд уже самой высшей инстанции решил имущественный спор по очень серьёзному объекту, который сулил в ближайшем будущем миллиардные прибыли, в пользу Рыжова и его компаньонов, удивления это ни у кого не вызвало. Арбитражи в то время работали по принципу: кто богаче, тот и прав. Точнее, это надо читать так: кто больше откатит. Но вот когда уже через

пару дней в город приехали из Москвы три больших кагэбэшных генерала, пусть и в отставке, но с солидными юристами на подхвате, стало ясно, что кое-что может поменяться. У этих юристов в портфелях оказались такие аргументы, что на раздумья времени не было.

Поздней ночью, разбудив Рыжова, к нему домой заявились трое своих, местных, которых он хорошо знал: Андрей Митин, мужик деловой, с принципами, с деньгами и бизнесом, со связями, Илья Скорняк, жулик с прикормленными тремя вооруженными до зубов бригадами, крышующими половину города, и дядя Саша Литовский, юрист, нотариус и доверенное лицо всех и вся. И вот эта городская «тяжелая артиллерия» заседала чуть не до утра, и ничего выторговать Юрию Александровичу не удалось — подготовленные бумаги он подписал, даже не понимая под конец, кому переходила вся его империя. Условие было жёсткое и одно: ни самого Рыжова, ни его бизнеса, даже любых упоминаний и воспоминаний о нём в этом городе быть больше не должно! Он должен исчезнуть. Иначе его найдут и раздавят.

Заклучил переговоры Илья Скорняк, человек авторитетный даже для Москвы, на которого с немой вопросом уставился Рыжов после подписания всех бумаг:

— Юрок, это такие рыбины, которые просто так, всухую нас проглотят и не заметят. Ты же знаешь: эти гниды из службы глубокого бурения с нашим братом никогда даже разговаривать не желают, а тут... встретились... Я знаю, что говорю. И потом я тебе обещаю: как только что-то поменяется, я тебе цинкану, не сомневайся. Это может случиться через год, а может, и через три. Чтобы завтра, точнее, уже сегодня тебя здесь не было.

— Илюха, я тебе верю и всё понимаю. Да и хватит мне на хлебушек и на молочко того, что у меня там, где-то далеко-далеко, работает. Только одна просьба: есть у меня здесь, в Зелёном городе, пансионат для детей-сирот. И земли там немножко. Я видел, что тут в пакете документы на него тоже лежат. — Рыжов кивнул на папку, лежащую уже совсем как-то отвлеченно на столе, заставленном стаканами, рюмками и бутылками. — Ты возьми детишек на себя, отожди себе этот детский дом, а я те-

бе бабки перечислять на его содержание буду. Мы с тобой договоримся.

— Хорошо, это не вопрос, сделаю. И ничего мне от тебя не надо.

— И ещё, Илюха, за могилкой маминой присмотрите. Кладбища же наши тоже под твоим контролем?

И что это вспомнил Рыжову тот последний вечер пятнадцатилетней давности в его родном городе? А то, что одна за другой встретились ему уже несколько могил со знакомыми фамилиями, и, судя по датам, это были именно его бывшие знакомые, друзья, враги, компаньоны. Было тут чего вспомнить, и не только про бизнес: у художника Жемерикина картины покупал, поэту Адрианову на свои деньги книги издавал, артисту Вихрову спектакли помогал ставить — все они теперь тут.

У мамы десять минут постоял: цветочки положил, сигарету выкурил, из плоской своей бутылочки на могилку плеснул, сам глотнул. Порядок у мамы на могилке был — самому даже понравилось: всё строго, минималистично и изящный горельеф с маминым профилем из белого каррарского мрамора. Деньги своё дело делают сами по себе, работают без понуканий — на то они и деньги.

4

У машины Рыжова ждал водитель:

— Ну как, Юрий Александрович, удачно сходили? Маму навестили?

— Удачно, удачно! Послушай, Ваня, а ответи-ка ты меня куда-нибудь пообедать. В центр куда-нибудь... Я ведь ничего как бы не знаю теперь в этом вашем... а когда-то ведь и моём городе. И ресторанов никаких тоже не знаю — «России» нет, «Москвы» тоже нет, как я понимаю. Вот так, мой родной город — город Горький.

— Да, их нет. Но есть ещё «Эрмитаж» на Большой Покровке — бывшей Свердловке, который раньше «Дружбой» был. Можно туда.

— Помню, помню! И правильно ты сказал сейчас: вот вы все сейчас гуляете по Большой Покровке, а для меня навсегда останется Свердловкой. А там хоть прилично кормят? Да ладно, поедем туда, проверим. Знаешь, Ваня, когда-то в городе Горьком, ещё в советское время, я возг-

лавлял отдел в горисполкоме и в качестве нагрузки занимался этой общественной комиссией по переименованию города. Входил в эту комиссию народ очень пёстрый. Но что любопытно: очень скоро после переименования половина этой комиссии убежала за границу — все эти Блайеры, Теплицкие. Признаюсь, сам я в душе был против переименования. Почему? А потому, что за семьсот лет существования Нижнего Новгорода в нём родилось нижегородцев меньше, чем за шестьдесят лет существования города Горького. Нижний Новгород был купеческим провинциальным городком с населением в несколько тысяч человек, а Горький — это индустриальный муравейник, который образовался за счет Автозавода и Сормова. А до революции наш городок ничего из себя и не представлял. Разве сравнить, например, с Казанью? В Казани и духовная академия была, и университет знаменитый с профессурой, а у нас — ничего, ни одного высшего учебного заведения. Так давайте назовем тогда уж этот город Автозаводом или Сормовом, если вам так город Горький опротивел! Меня Юра Адрианов — писатель такой, тоже членом комиссии тогда был — переубедил. Умел он убеждать. А ещё Хасбулатов позвонил из Москвы и сказал, что «он так решил». На хрена ему-то это надо?

Интерьер кафе «Эрмитаж» порадовал Рыжова тем, что было тут светло. После туманного и дождливого полумрака улицы подняли настроение эти свет и тепло. И официант чистенький и вежливый, и коньяк ароматный, и уха из настоящей волжской стерляди. Многие рестораны и кафе практикуют полумрак и приглушенный свет — для чего? Что они хотят спрятать или скрыть? А может, экономят на электроэнергии? В углу на крошечной эстраде лежали в беспорядке инструменты и ноты.

Юрий Александрович подозвал официанта:

- Любезнейший, а скажи, у вас здесь и живая музыка бывает?
- Да, по вечерам играют. Приходите к нам вечером.
- И кто играет?
- У нас тут свой ансамбль.
- И что, кто-то поёт?
- Они и поют.
- А хозяин ваш — Володя? Он не поёт случайно с этим ансамблем?

Официант, мальчик совсем молоденький, задумался почему-то и, пожав плечами, почти пробормотал:

— Очень редко и только для друзей.

— Понятно! Передай ему привет от Рыжова Юрки. Мы когда-то работали вместе — он должен помнить. Раньше он для друзей исполнял весь репертуар Ободзинского.

Позже, уже сидя в такси, обращаясь к Ивану, водителю своему, Юрий Александрович разоткровенничался, а может, так тепло в нём коньяк аукнулся:

— Когда-то у нас с хозяином этого ресторанчика был совместный бизнес и мы даже дружили. В начале девяностых мы организовали в городе первую или одну из первых товарных бирж в стране. Так вот мы с ним были первыми учредителями, а потом председателя нашего — в смысле председателя биржи нашей — застрелили на улице. Тогда просто это делалось, никто не стеснялся... в смысле стрельбы. Правда, меня почему-то не застрелили. Я долго думал — почему. Я, по всей вероятности, был в разработке у КГБ ещё с советских времен, и потому, чтобы не искать концов и самим лишку не светиться, некоторые господа решили от меня избавиться в качестве действующего лица, но не физического. Ты не понимаешь, о чём я? Да, выпил я немного того — немножко перелишил. А так слушай: быть в разработке у КГБ не значило, что тебя ведут как потенциального нарушителя, только момента ждут, нет — могли вести и как потенциального информатора. Но это ещё означало и то, что ты до поры до времени находишься под негласной защитой их, или — не защитой, а как бы под покровом или покровительством, что ли...

Что-то немножко поплыл я...

Когда-то, когда я жил ещё в городе Горьком и работал в обкоме комсомола, был у меня старший товарищ Толик Шайтанов. Так вот он меня учил, что деньги — это только бумага. И плохая бумага: от этих денег все мужские проблемы и возникают. Если их не хватает на приобретение нужных вещей — плохо! А когда их столько, что ты их не можешь контролировать, ещё хуже — их постараются у тебя отобрать. А потому, в смысле количества, только по силам, способностям и потребностям этой бумаги должно быть у каждого человека. И вот с комсомольских времен

помню я, что деньги — неинтересно, а интересно — дело. На хорошее дело всегда деньги найдутся. Меня ведь когда-то весь город знал. Рыжов я.

— Да понял я, Юрий Александрович! Узнал вас. Мы, таксисты, люди понятливые и памятливые.

— Так вот, когда-то мне было предложено покинуть город, и я в один день, точнее, в одну ночь, избавился от всего, что мне тут принадлежало. Я отказался от двадцати трех объектов недвижимости, не считая всякого другого добра. Честно говоря, у меня просто всё отняли. У меня в городе в собственности были магазины, рестораны, офисные помещения, клубы, казино и банк свой был — всё отдал! Бумажки подписал и распрощался. Суровые времена были — да бог с этим со всем. Ночью все документы подписал, а утром меня здесь уже не было. Знаешь, вот почти пятнадцать лет думаю я, анализирую и понять не могу, почему я не боролся тогда. Как меня тогда убедили, что бороться бессмысленно — ведь это же было не в моём характере. И до сих пор не могу себе объяснить того, что я сделал тогда. А может, я тогда выиграл что-то большое? Что-то заболтался я, развезло. Вези меня в гостиницу — подремлю я пару часиков, вечером у нас с тобой ещё работа будет.

5

В номере, сняв плащ, как был, в брюках и ботинках Рыжов плюхнулся на диван и провалился в пьяный полусон-полубред — бывает такое неопределённое состояние. Очнулся или проснулся через два часа с совершенно свежей головой оттого, что в номере кто-то хозяйничал. Сев на диване, он пару минут внимательно разглядывал даму, которая убиралась в комнате; подумал: надо было запереться изнутри.

Горничная, приводившая в порядок обиталище Юрия Александровича, повернулась на миг к нему и, кивнув, поздоровалась. В тот же миг в голове у Рыжова вспорхнул рой эмоций, которые нетрудно было чётко сформулировать.

Дама лет тридцати в небесно-голубых джинсах, белой блузке и фирменном гостиничном переднике была, с одной стороны, ничем не привлекательна особо, а потому выглядела и удивительно эталонно. Роста выше среднего, с матовой кожей цвета бледно-розового бисквит-

ного фарфора, лицо овальное с небольшими раскосыми глазами и черными широкими бровями, светло-русые волосы были собраны в небольшой пучок на затылке, а шея и ушки... Она передвигалась плавно, даже нарочито замедленно, и Рыжов в уме собирал определения, которые могли бы охарактеризовать эту женщину: наверняка замужем, а значит, чистая, женственная, мягкая, желанная, уверенная, самостоятельная. Он искал подтверждения каждому из своих определений и находил их.

— Скажите, а как зовут вас? — наконец обратился он к горничной.

— Ирина, — ответила та, ничуть не смутившись и немного развернувшись к Рыжову.

— А по батюшке?

— Ирина Анатольевна.

— Ирина Анатольевна, а вы замужем?

— Замужем.

— А вы любите мужа?

— А чего его любить, если он в тюрьме сидит?

Правда, я с ним уже развелась полгода назад. Так что и не замужем уже. Сказала так, по привычке.

— Это облегчает всё, — заметил на это Рыжов, вставая с дивана и открывая бумажник, — приходите ко мне в гости часиков в десять. Я, наверное, смогу вас отблагодарить за визит.

С этими словами он, основательно прикинув, достал из бумажника три купюры по сто долларов и положил на стол:

— Ира, это тебе!

— Хорошо, приду, — ответила Ирина, взяв деньги.

Она вышла из номера, не взглянув на Юрия Александровича: наоборот, показательно посмотрела куда-то в сторону и вниз.

Он снова лег на диван и провалился в небытие. Проснулся оттого, что почувствовал, как довольно грубо его кто-то треплет по щеке. Рыжов открыл глаза и опять подумал, что надо закрывать дверь в номер на ключ, когда ложишься отдыхать. В комнате на этот раз было двое: разбудил его высокий господин лет сорока, солидный, в кожаном чёрном пальто и шляпе, а в кресле, развалившись, сидел и курил тех же лет, но очень неприятный на вид коренастый мужик с большими залысинами и перебитым провалившимся носом.

Рыжов сразу понял, кто это и зачем они здесь. Ничего не изменилось в этом нашем мире — ничего! И сразу мелькнула мысль, что напрасно он поверил этому предательскому телефонному звонку. А с другой стороны, хорошо, что это случится в родном городе, а не чёрт его знает где! Хорошо, что к маме ходил.

— Ты знаешь, кто мы? — спросил долговязый.

— Догадываюсь, — ответил Рыжов.

— Тебе сказано было, чтобы ты здесь не появлялся! Объясняли тебе?

— Мужики, мне был звонок, совершенно чётко было заявлено, что все проблемы сняты и я могу вернуться.

— Юрок, во-первых, мы не мужики, и ты должен это понимать очень хорошо, даже лучше других. Во-вторых, что за идиот тебе позвонил, я не знаю, но и тебе уже не удастся это выяснить. Ты понимаешь это?

— Братцы, давайте лучше выпьем и спокойно поговорим. И, может, вы мне всё же дадите позвонить?

— Ты пей, Юрок, а мы на работе, так что не обессудь. А звонить — увы!

— Тогда я разболтаю свой любимый коктейль.

— Рыжов встал с дивана, достал из горки чистый стакан и налил себе на четверть коньяку из очередной бутылки, которую ещё вчера принёс ему Иван. Он понимал, что визит в родной город закончился. Потом с хлопком открыл шампанское. — А шампусика не желаете?

Гости мрачно промолчали.

Рыжов долил в стакан шампанского.

— Юрок, — продолжал долговязый, — ты понимаешь, что мы всегда работаем молча, и то, что я с тобой сейчас разговариваю, это означает...

— Я понимаю, — перебил Рыжов, — что это означает. У меня есть варианты?

— Это не варианты. У нас задание — убрать тебя, если ты ещё в городе. А если в городе тебя уже нет, то чёрт с тобой. Когда-то много лет назад ты крепко выручил сеструху Танцора, — он кивнул на крепыша, сидящего в кресле, — а она ему была вместо матери. Потому он и не торопится.

Запрокидывая голову и выпивая свою очередную дозу, Рыжов заметил, как крутит в руках второй ликвидатор кожаную удавку, которую приходилось ему как-то раз уже видеть.

Давно это было.

— Кончай бухать, Юрок, ты уже на бровях. В нашем городе банкуют теперь москвичи, и ты не в колоде! Но сегодня ты вытащил туза к своему тузу: это — Танцор. Илья Скорняк знает, что мы у тебя, но говорить с тобой сегодня он не будет — на то у него есть свои причины. Я не буду тебе объяснять, если ты сам не понимаешь. Давай собирайся быстро. У входа в гостиницу стоит «крузак» двухсотый, чёрный — садись в него, мы идём с тобой. Потом мы вместе едем на вокзал. Там мы тебя посадим в вагон.

— И куда я поеду? — спросил с расстановкой Рыжов, наливая себе очередные два пальца коньяка.

— А нам всё равно: можешь в Минводы, а можно в Улан-Удэ. Как получится. Насчёт Ваньки, своего таксиста, не волнуйся — ему премию где надо выпишут. В городе во всех таксопарках водителям выдают лицензии при условии сотрудничества с нашей фирмой, и потому мы все новости о событиях здесь получаем первыми. Танцор, — он обратился уже к напарнику, по-прежнему неподвижно сидевшему в кресле, — ты вытащи у него симку из телефона, да и аккумулятор тоже.

Давно это было.

ДРУГОЙ

рассказ

Я родила месяц назад, двенадцатого апреля. Знаю, что двенадцатое апреля – День космонавтики, но так уж получилось – что поделаться! Да и ничего плохого в этом нет. Ещё двенадцатого апреля день рождения моей школьной подружки Нади Белкиной, но я её не видела уже пять лет.

Так вот все эти беспредметные разговоры, что рожать страшно, больно, опасно – чепуха! Да – больно, да – орала, но все орут! Зато как моментально всё это перекрылось радостью и новым, внезапно заполнившим меня чувством ответственности, а по-другому я это состояние и не назову. А каким он, мой малыш, мне тогда, в первый момент, показался большим и красивым! Да и сейчас вот смотрю на него, а он что-то поёт, пузыри пускает, и не верится, что это чудо я смогла сама выродить. Я назвала его Иваном – Иваном Ивановичем по документам. Мамка мне говорила: «Дура, не рожай! Безотцовщину плодить не надо. Вот выйдешь замуж – нарожаешься ещё». Но это только вначале, а дальше, когда я с пузом круглым стала по дому бродить, она меня уже только облизывала. Не понимает она, да и никто не понимает и не знает, что я это специально сделала без мужа; в такое трудно поверить. Да-да, без мужа, и он только мой! А с мужем что – он, дитёночек, будет и мой, и ещё чей-то, я мужа имею в виду.

Я всё детство провела в небольшом рабочем посёлке Шпалозавод, который тут недалеко, но всё же за городом. Хотела написать «прожила» – так ведь и не жила! Даже и не окраина это, а совсем другой уже сельский район, и ехать в город от нас надо было на автобусе; так что наш Шпалозавод – просто занюханная грязная деревня, где ни жизни нет, ни работы пугной не найдёшь! Когда-то, сто лет назад, это было село Владимирское с церковью, развалины которой, заросшие мохнатыми густыми елями и почти вековыми унылыми берёзами, можно ещё разыскать и разглядеть на угоре, возвышающемся над большим и красивым прудом, в который впадает наша речка Чернушка. Приличная такая речка, и широкая, и глубокая, да ещё и с водоворотами и коряжистая, и истории на ней всякие случались нехорошие с купающимися. Ели тут тоже кри-

вые и разлапистые, а старики у нас, я слышала, говорили, что раскоряченные деревья растут там, где под ними подземные реки и ручьи протекают. А у нас сплошь ручьи, и вода вкусная-превкусная: вкуснее, чем боржом. А вообще, каждый человек к своей воде привыкает, и вкуснее её для него самого не бывает на свете.

Пруд наш такой длинный, что я даже не знаю, как правильно называется та речка, которая вытекает уже из него через три километра от Шпалозавода, у деревни Старой: кто Чернушкой зовёт, а кто – Смородиной. Это потому, что, кроме Чернушки нашей, в пруд впадает речка Смородина и ещё какие-то ручьи. У деревни Старой была до войны сделана запруда, и электростанция была здесь небольшая местная, а от неё и работал этот шпальный завод, в честь которого и переименовали наше село, и креозотом до сих пор тут, по-моему, воняет. А теперь ни электростанции, ни завода – одни старики со старухами и куры с козами. Хотя стадо деревенское – пятьдесят коров, а это значит, что жизнь ещё кое-как теплится; по деревенскому стаду определяется, умирает деревня или живёт. От коровы в город на зиму не убежишь, её каждый день кормить, доить надо. И школа у нас есть, и детсад, и клуб, и почта, и два магазина, и автостанция. Только автостанция на одном берегу речки, где школа и клуб, а все старые жилые избы – на другом, хотя сейчас и на том берегу уже чего-то настроили. Так что за теми, кто в город на работу устроился, по утрам специальный автобус приходит, а ещё и рейсовые три раза в день бывают, да и машины у некоторых уже свои есть. А до города от нас пятнадцать километров.

И всё равно наш посёлок Шпалозавод тихо-тихо умирает. Лет десять назад, когда я ещё в пятом классе училась, решили какие-то кооператоры у нас тут выстроить цех по выращиванию грибов, имелись в виду шампиньоны. Только-только развернулись, а кризис у них всё смял или смёл. Но успели они всё же в начале производство наладить: года два всерьёз, по-настоящему поработали, и даже человек пятнадцать наших и из деревни Старой сколько-то на работу смогли принять. А ещё привез-

ли они специального технолога для наладки правильной работы этого цеха, который для этого дела обучался в Казани, купили они ему избу неплохую, пятистенку, отремонтировали её, оборудовали, полный «евроремонт» провели. В общем, богатые кооператоры попались.

Так вот про этого технолога мамка моя сказала сразу: «Он другой!» Я не поняла, почему он другой, а просто влюбилась в него с первого взгляда и по уши. Может, возраст у меня такой был, что пора было влюбиться. Звали его Иван. Да почему «звали»? Наверное, и сейчас его так зовут. Наши бабы деревенские про него сразу же всё выяснили: он — летчик-испытатель, подполковник в отставке, лет ему сорок пять, что ли, — они рано на пенсию уходят. Наград у него тьма-тьмушая, даже что-то про Героя России говорили, жену недавно похоронил, сын его — капитан, тоже летчик, а происхождение у него деревенское, хотя и издалека, из Сибири откуда-то он. И все наши бабы про него сказали так же, что он «другой». А кто-то даже вякнул, что он сумасшедший.

Так вот, Иван этот был действительно совсем другой — по всем показателям. Машина у него была выкрашена звёздами яркими, красивыми, и небольшая вроде — «Тойота-RAV-4»; у многих дачников, что на лето к нам в деревню приезжают, и посерьёзнее машины есть, но такой красивой я ни у кого не видела. И для машины у Ивана был не гараж, а навес какой-то из прозрачного оргстекла желтоватого ядовитого цвета.

Одевался он всегда аккуратно и строго: не то чтобы во фраке с бабочкой по деревне вечером гулял, а просто сапоги резиновые у него всегда чистые были и всё остальное чистое, с иголочки. А зимние унты с меховой оторочкой, какие-то специальные, смотрелись на нём просто как парадная обувь.

И вся одежда у него была не такая, как у всех: куртка из коричневой глянцевой кожи с меховым воротником, а другая — из замшевой кожи зелёная. Летом он в феске турецкой ходил, а зимой — в странной шапке с козырьком и специальными наушниками. Ну, и остальное у него было не такое, как у нас, а другое. Конечно, и фрак у него с бабочкой был, или смокинг это называется — не знаю. В нём он раз в месяц, а то и раз в два месяца куда-то ездил. Только прознали наши бабы деревенские куда — в театр да на концерты в город.

Ничего нашего деревенского он не ел: ни молока, ни яиц, ни лука, ни картошки, ни мяса свежего, если кто скотину колот. Всё он покупал в городе в магазине; банками с консервами разными у него весь чулан заставлен был, коробками с водой минеральной, пивом, вином красным — я сама видела. И с мужиками нашими он не выпивал — один раз только, когда приехал, позвал он в гости соседей своих и ещё кого-то, кто рядом был; стол накрыл и всех угостил «в стоячка» — даже не сажались. Фуршет это теперь называется, а тогда мы и слова-то такого не слышали. А больше ни с кем ни разу не выпивал и денег мужикам на вино в долг не давал, когда просили. Вот налить мог, если кому похмелиться не терпелось. На крыльце у себя посадит и из избы вынесет полстакана водки и кусок хлеба. И всё!

Сын к нему раз в год приезжал, по замашкам больше не на взрослого, а на пацана похожий, только здоровенный очень. Вот он с нашими местными каждый день вино пил, но никогда не хмелел. В магазине вина накупит, с мужиками в огороде или в овраге сядет, с ними выпьет, по избам их всех пьянущих растащит и идёт к себе домой, словно трезвый, как будто и не выпивал.

Дома у подполковника тоже было всё по-другому, не по-нашему, не по-деревенски: пол, потолок, стены были ровные-ровные, чем-то отделанные, словно оштукатуренные, окна пластмассовые, двери лёгкие красивые, а кровати не было, были только кресла и диваны. Телевизора два, в обеих горницах, а вот книг было очень много, и в стопках в углу навалены, и на стеллаже, что вдоль самой большой стены стоял, ну, очень много книг, и большинство на иностранных языках. Я видела и на английском, и на греческом, а остальные и не знаю на каких. Каждый раз, когда он приезжал из города, привозил с собой снова книги стопками. Покупал он их в книжном магазине и заказывал по почте, я узнавала. А зачем, если интернет у нас есть и все книги можно с экрана читать, я сама много раз читала стихи с компьютера, который у нас в школе стоит.

А огорода, или усада по-нашему, у него вообще не было. Он на всех своих пятнадцати сотках в три ряда пятьдесят черешен насадил и возит между ними раз в неделю какую-то английскую косилку, траву косит. Ну, это летом когда. Другой, в общем, он.

Если бабы про него сказали, что «другой», зна-

чит, другой. Когда я Надьке Белкиной, подруге своей, сказала, что влюбилась в Другого, она меня на смех подняла: что, мол, ты будешь делать с этим старым треснутым корытом. Я промолчала. А чего с ней спорить, зачем чего-то доказывать? А потом случилось то, что случилось.

Первомайских демонстраций теперь нет, но гулять первого мая все выходят. Это как при советской власти: престольные праздники хоть и отменили, а в деревнях по привычке всё равно отмечали; так и в наше время с первым мая и с седьмым ноября старики поздравляют друг друга. А молодёжь у нас в деревне первого мая всегда собирается на площадке около автостанции, и не знаю почему — по привычке, наверное, потому что там когда-то, в советское время, митинги проводились.

Я уже школу в тот год кончала: выпускные экзамены, и всё — я вольная птица.

Мы с девчонками с нашей стороны через мостик шли на тот берег, чтобы гулять. Солнышко светит, речка журчит, только что ото льда освободилась, в ложбинах ещё снег лежит, а пруд тогда был ещё наполовину льдом затянут. Мы идём, смеемся, толкаемся, но я заметила, что на тропинке, не доходя до мостика, стоит Другой и смотрит на нас. Он, по-моему, тоже собирался переходить на ту сторону, что и мы. В меня в тот момент будто бес какой-то вселился. И как-то так получилось, что, обнявшись с Надькой Белкиной и хохоча, мы навалились на перила мостика и я свалилась в речку. А Надька, зараза такая, осталась на мостике, руки развела, заорала благим матом и стоит. Я сразу улькнула с головой под воду, да ещё в пальто и в сапогах.

Дальше мне Надька рассказывала. Другой, как ястреб, стремглав, в два прыжка оказался на мостике и как был во всей одежде, так и бросился в воду. Он меня уже под водой где-то поймал и вытащил. А я сознание не успела потерять, прижалась к нему и не отпускала бы. А сама о нехорошем подумала, а может, наоборот, о хорошем: о том, что хорошо бы родить от него мальчишечку. Вот тогда я впервые поняла что-то про то, что я женщина. Мамка меня в тот день и била, и за волосы таскала — девчонки рассказали ей про весь этот случай, да ещё в картинках.

А потом уже ничего интересного в жизни у меня не было. Уехали мы с мамкой жить в город, устроилась я работать продавщицей в магазин.

Парни за мной ухлёстывали, да только я как подумаю про Другого, так мне ни один парень и не кажется. Может, они все, эти парни, и хорошие, и замечательные, да только зачем же я буду с ними отираться и знать, что где-то есть такой удивительный мужчина, как Другой. И никто другой, кроме Другого, мне не нужен — вот выдала! Поэтому каждый раз, когда мне какой-нибудь парень или мужчина намёк определённого рода делает, так я сразу про Другого и вспоминаю.

И подружки у меня новые стали, все либо девки задержавшиеся, либо разведёнки. Так вот в прошлом году летом снова, видимо, в меня бес вселился. И с какого перепугу уговорила я двух своих подружек поехать за грибами в мою деревню? Июль был дождливый и тёплый, грибной. И грибов набрали, и под дождём вымокли, а потом я их домой, в город, отправила, а сама осталась в деревне: сказала им, что к родне надо зайти.

Посадила подруг на последний автобус рейсовый, а сама под дождём добрела до избы Другого и уселась там на крылечко. Дождь идёт, а я сижу, а его всё нет. Я сначала-то думала, что как в сказке будет: я усядусь на крылечке, а он тут же выйдет и меня на руках в избу-то и занесёт. А тут я вижу, что и его в доме нет, и машины его нет, и сама я уже околевать от холода начала понемножку.

Наша-то с мамкой изба была на другом порядке — мы её продали. Новые хозяева её уже раскатали и коттедж большой довольно там, на нашем участке, поставили. Так что идти мне не к кому: девчонки-одноклассницы в город все умотали, а пацаны, что остались в деревне, очень быстренько стали пьяницами горькими. Да ну, нашла бы я, к кому пойти, только не для того сюда приехала. Знала я для чего!

А потом Другой пришел, в избу завёл. Я вся мокрая, замерзшая, вся в ознобе и в жару одновременно была — простудилась. Он мне коньячку рюмку налил, потом ещё одну, а потом таблеток каких-то, а потом чай с мёдом пили. Он ничего не спрашивал, молчал. А я что — тоже молчала. Потом он мне на одном диване расстелил, уложил, заботливо одеялом укрыл и подоткнул с боку. «Спи!» — говорит. А сам на другом улёгся.

Только я не спала — через час я к нему на диван под бочок пристроилась.

Так вот оно всё и случилось.

Чего мне надо было — того я и добилась.

НА МОСТУ

р а с с к а з

1

— Ну почему же так плохо всё получается-ся-то у меня? — почти взвыл высоким фальцетом Трефилов, сидя на бетонном парапете над оврагом. При этом он картинно вскинул руки к небу, театрально разыгрывая незнакомую сцену из никому неизвестной пьесы, хотя никого вокруг не было, никто его вроде не наблюдал.

В город заползало раннее летнее утро, уверенно пробивавшееся сквозь сумрак.

Вот склероз это или старческая деменция? Не поймёшь! А может, и то, и другое, и вместе, и одновременно! Бывает так?

Как он сюда попал? Хотя понятно, что этот овраг во втором Нагорном микрорайоне. За оврагом, чуть подалее, стоят три пятиэтажки с надстроенными мансардами, в них размещались когда-то мастерские лучших городских художников: Димы, Кима, Риты и ещё чьи-то, — и у всех Трефилов бывал в гостях. Справа мостик через овраг — узенький, длинный, ненадёжный и шатается. «Сколько он длиной — метров сто? — прикинул в уме. — Да, как футбольное поле! Такой мостик мне и нужен был вчера, но не этот. А глубина оврага под ним — метров тридцать? Да, как раз девятиэтажный дом». Вот теперь начинает вспоминаться. Никакой не склероз это и не деменция, а простой алкоголизм — вот и всё.

Ночь была тёплая, а день снова будет жарким и душным. Солнце взошло, но над домами ещё не поднялось — часов пять, наверно.

Да-да, вспомнил всё. Хорошо, что не надо ни перед кем извиняться за вчерашнее. Нет, извиняться всегда надо — тут никуда не денешься, за всю жизнь свою бестолковую и грешную надо извиняться перед всем человечеством. Только это абстрактная обязанность, опять же таких виноватых и несчастных грешников на свете миллионы. Хуже, когда конкретная личность существует, перед

которой ты вчера выделялся, безобразничал, а ещё, может, даже и хамил! Но вроде вчера пронесло. Хотя неплохо было бы восстановить в памяти вечер...

Вот что-то уже всплывает. Когда вчера уже поздно вечером Трефилов вернулся в свою двухкомнатную квартирку в Университетском переулке и обнаружил, что Марии с сыном нет, то он сначала запаниковал, а когда вспомнил, что их тут нет уже больше года, вроде и успокоился. Но потом — ещё хуже — запсиховал, понимая, что это навсегда. И Мария — навсегда! И сын — навсегда и никогда!

Если раньше она уходила на время к родителям, которые живут на соседней улице и у которых она спасалась не раз вместе с шестилетним сыном Вовкой, то теперь в её планах было уехать к сестре в Краснодар, а вот это уже навсегда. Значит, при всём желании с сыном, когда захочется, уже не пообщаешься. Родители по-родительски пускали её на ночь, но при том постоянно пилили: терпи, жена, муж-пьяница — это твой крест. А её сестра родная, что в Краснодаре, вдова по жизни, пообещала ей всё: и жильё, и работу, и заботу.

И ещё что любопытно: год Трефилов не паниковал, был уверен, что это временно и вот-вот всё образуется, а вчера понял, что ничего не образуется и никогда. Плохо то, что теперь не он, а уже Мария не верила, что спасение возможно. Хотя она готова была бы и жизнь свою положить или потратить на спасение Трефилова — но... Но она так и сказала, что вначале обязана вырастить и поставить на ноги сына, это её материнский долг. А уж если что-то потом останется от Трефилова и от неё, то посмотрим! Так что «прости, уйду». И Трефилов понимал её тогда и соглашался, потому что она была права, а он — алкоголик.

Хотя в каком-то старом глянцево-м журнале «Америка» он читал теоретическое определение американских врачей этой зависимости —

алкоголизма. Они там считают, что алкоголизм — это болезнь, при которой человек может работать только похмелившись. То есть если он может работать, иными словами, создавать прибавочную стоимость, то не просто имеет смысл попробовать его лечить, но и можно, и надо постараться вылечить.

И Маша много лет подряд пыталась лечить Трефилова, пока не поняла, что все эти платные методики — просто жульничество и отличный способ заработка у патентованных психотерапевтов. Гипноз, иглорефлексотерапия, аутотренинг не давали никакого эффекта, а годовые уколы или антабус легко и почти безболезненно легко обходил больной Трефилов. А если и болезненно, то не смертельно.

Потом развелось всех этих клиник разрекламированных: Довженко, Маршак и прочие...

Трефилов помнил, когда у Маши руки опустились. По совету кого-то из друзей она уговорила Трефилова съездить в Москву на приём к самому знаменитому психотерапевту Генкину, чуть ли не главному наркологу СССР, а по совместительству и руководителю российского отделения клуба американских анонимных алкоголиков. А как главный нарколог СССР может быть руководителем отделения ААА, если таковой руководитель по определению в свою очередь обязан быть тоже алкоголиком? Хотя чего только не бывало в нашей замечательной и светлой стране в конце восьмидесятых...

Приём профессор проводил на самой крайней окраине Москвы, куда на метро и двух автобусах надо было ехать, но Маша с Трефиловым доехали. Вся процедура лечения занимала около пяти часов, и Маша уехала дожидаться его у дальней родственницы.

Лекция была бестолковая, но хотя бы не длинная и неустойчивая. Основная идея профессора заключалась в том, чтобы все собравшиеся в зале алкаши, начиная с завтрашнего утра, просыпаясь, будучи ещё в постели, трижды громко произносили как мантру: «Сегодня я не пью!»; а в течение дня обязательно надо кому-нибудь признаться в своем заболевании.

После лекции и персонального собеседования все желающие избавиться от недуга — а их у профессора на заявленном мероприятии собралось человек двадцать — должны были по

очереди попасть ко второму профессору, главному наркологу Москвы Энтину.

Тот, усадив Трефилова на стул, серьёзно спросил:

— На сколько будем кодироваться?

— Навсегда, — так же серьёзно ответил Трефилов.

— Навсегда я не могу! Я могу либо на год, либо на три, — парировал профессор.

— Ну, давайте на год, — согласился осторожно Трефилов.

— Тогда откройте рот, — сказал профессор и, сделав какие-то движения руками вокруг головы Трефилова, взял резиновую клизмочку со столика с баночками и бутылочками.

Трефилов покорно открыл рот.

— Завожу код на один год, — заговорщицки произнес профессор Энтин, глядя пациенту в глаза, и, совершив непонятные пассы, брызнул из клизмочки Трефилову в рот ароматной струёй.

Тот, ошарашенный, продолжал сидеть на стуле, открыв рот, — он был алкоголиком, но не был пока ещё полным дураком.

— Всё, закройте рот и идите домой, — сказал профессор.

Теперь Трефилов должен был ехать в Тёплый стан, где дожидалась Маша. Но его переполнял такой восторг от проведённой только что операции, от её беспардонного и наглого идиотизма, что уже со следующим пациентом, который вышел от профессора через пять минут после него, они пошли в ближайший «Гастроном», купили «бомбу» венгерского «Вермута» и два плавленых сырка; а выпивали они прямо в подъезде того же учреждения, где только что слушали лекцию и лечились.

Не получилось!

2

Вечер, вечер, вечер...

Как же приходится напрягаться, чтобы вспомнить даже вчерашний вечер.

Непонятно, почему он психанул, когда увидел, что Марии и сынишки Вовки не было дома. Хотя их уже год как нет. А он, человек с приличным социальным статусом — заместитель директора по АХЧ очень не маленького

исследовательского института, каждый день приходит вечером в пустую квартиру.

У него на службе отдельный кабинет — пусть без приёмной и без секретарши, но всё равно в течение дня ему приходится заниматься достаточно серьёзными вопросами. У него в подчинении гараж, склад, отдел снабжения, отдел кадров, ремонтные мастерские и даже бухгалтерия часто принимает решения, только посоветовавшись с ним.

У него в кабинете, рядом с рабочим столом, на полу, с утра стоит бутылка коньяку, из которой он регулярно прихлёбывает. В девять — оперативка, потом с Тamarой, начальником отдела снабжения, пишутся письма типа «прошу в порядке оказания технической помощи...», и до обеда он занимается решением вопросов по телефону. После обеда он в гараже. Вечером — кафе или ресторан со случайными контрагентами, и ещё бутылка водки. И вот вчера...

Конечно, теперь вспомнил! Вчера Трефилов уже в который раз решил, что пора кончать это безобразие, — пора кончать мучить и себя, и окружающих, и Марию с Вовкой. Уже ночью, в первом часу, пометавшись в четырёх стенах, он натянул плащ (показалось, что моросит дождь) и вышел на улицу. Совершенно неожиданно подумалось, что его вопрос может быть решен только на мосту. Точнее, с помощью моста.

Пешеходный мостик, как бы продолжение Университетского переулка, был переброшен над безымянным заросшим оврагом недалеко от его дома, то есть почти от стадиона «Динамо» до Ильинки, прямо к церкви Вознесения. Мостик был шаткий и хлипкий, он раскачивался даже от ветра. Трефилов всегда старался проходить его быстро, не глядя по сторонам, но всё равно ощущая его дрожания и вибрации. Трефилов боялся высоты, — боялся физически. А вот его старший товарищ Натан Павловский ещё давным-давно не единожды проезжал по этому мосточку на своём «Запорожце» и каждый раз с восторгом замечал после совершенного манёвра, что мосточек под ним прогибался, и побаивался сам Натан в тот момент, что провалится он в овраг вместе с автомобилем.

Вчера ночью над мостиком горели шесть тусклых фонарей, а посередине его, у перил, стояла уже немолодая женщина в белой кофточке,

светлой юбке и белых босоножках. Да-да, вот эта женщина и смутила Трефилова, из-за неё он и ушел. Женщина обернулась на него, посмотрела пристально, будто со смыслом, но осталась на месте, то есть у перил, а через миг она снова уже глядела вниз — в овраг, в темноту. И зачем она там застыла, и чего она разглядывала в этом овраге? Неведомое манит.

Трефилов в нерешительности остановился у начала мостика, прямо под фонарём, и смотрел на женщину. В какой-то момент ему показалось, что вот именно эту женщину он и собирался найти в этот вечер, а потому и ждёт она его на мосту. В уме он даже успел как-то сыронизировать на эту тему. Но женщина вновь обернулась на Трефилова, и на этот раз смотрела она на него пристально и неотрывно. Разглядеть её лицо Трефилов как следует не сумел: вроде как и не было лица — было белое пятно, оно и зафиксировалось. А вот то, что женщина была крупной, он хорошо рассмотрел.

И вдруг эта женщина в белом подняла руку и сделала Трефилову знак, чтобы он уходил: она провела рукой плавно от себя, — просто провела, и он услышал, а точнее, вроде как распознал её слова: «Уходи. Не сегодня. Сегодня не твой день». И тогда до Трефилова вроде стало доходить, кто эта незнакомка, и ознобом окатило его с ног до головы. Хотя всё равно он не сумел бы сразу и точно сформулировать, кто эта ночная женщина и каков её (как бы правильнее выразиться) исторический и социальный статус.

А вот как он, Трефилов, попал вчера ночью сюда, в Нагорный микрорайон, — загадка. То есть никакой загадки вроде и нет — просто подводит память. И даже понятно, зачем он сюда приехал: вот сзади, за его спиной стоит дом, в котором живёт Валентина.

Валентина — его школьная подруга, одноклассница, первая любовь. Точнее, это он был первой любовью Валентины, а сам-то Трефилов как раз и не заметил её в своей школьной жизни. И, как часто бывает, такие вот однолюбки остаются в старых девах. Хотя что значит «в старых девах»? Сейчас и в тридцать пять, и в сорок женщины сплошь и рядом первородящие, и — ничего, справляются.

Когда полгода назад на улице, около торгового центра, Трефилов тупо дождался выз-

ванного такси, он зафиксировал на себе заинтересованный взгляд поодаль стоящей женщины и посмотрел на неё тоже более внимательно. Что-то мелькнуло знакомое, но мимолётно. Он не сел в подошедшее такси, а, расплатившись за вызов, подошел к незнакомке. Даже потом, спустя какое-то время, Трефилов не мог для себя объяснить этот поступок, а чисто мужским интересом объяснить его он отказывался: не так уж она была интересна, эта дама.

— Мы с вами знакомы? — поинтересовался он.

— Конечно, Трефилов. Я — Валя. Валя Пойманова. Узнал?

— Ах да, конечно! — спохватился Трефилов, восстанавливая в памяти далёкие школьные годы.

Он проводил Валю до дому.

Потом они встречались несколько раз. Что-то тянуло его к ней: простота в общении, безответственность и необязательность, а ещё Валя очень просто относилась к недугу Трефилова: она как бы не замечала его.

С тех пор пьяненький Трефилов несколько раз вечером заходил к Валентине в гости, как правило, без предварительного звонка, и Валя всегда с радостью принимала его. Выпивали по рюмке какой-то самодельной наливки — то ли вишнёвой, а то ли малиновой, пили чай, Валентина курила, и никогда у Трефилова не возникало мысли об интиме. Да и сама Валя

не давала никаких поводов для того, хотя и смущалась заметно, и даже иногда застенчиво и совсем по-девичьи краснела. Часто говорили о такой ерунде, что и не сформулируешь, смеялись. Но, когда Трефилов упоминал о своих проблемах, о Маше и Вовке, Валя замолкала и, наморщив лобик, вздёрнув бровки, глупо кивала — давала тем самым понять, что ей эти темы неприятны.

Вот и сегодня он ночью притащился через весь город сюда, в Нагорный микрорайон, — наверняка привела его мысль о Валентине. И хотя ни его, ни Валентину не смущали его ночные визиты, что-то тормозило Трефилова сегодня. Вот и сидит он на бетонном парапете на краю оврага.

Уже пять часов утра.

Он вздрогнул, услышав голос сзади:

— Трефилов, пойдём домой. Я уже два часа наблюдаю за тобой. Пойдем, прошу тебя. Я тебя кофе напою. А хочешь — ещё чего-нибудь придумаю. Через два часа тебе на работу — в божеский вид тебя приведу. И вечером приходи — я ждать буду.

Трефилов молча обернулся.

— Да-да, пойдём. — Голос его чуть дрогнул. Он даже озаботился: а не услышала ли эту дрожь Валентина.

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.

Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

Печатался в журналах «Нева», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

